

Земские соборы на фоне представительных учреждений средневековой и раннемодерной Европы: опыт сравнительной типологии

Михаил Кром

**Zemsky sobors against the background
of the representative institutions of Medieval and Early Modern Europe:
an essay in comparative typology**

Mikhail Krom

(European University at Saint Petersburg, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24030018, EDN: GECJOB

Несколько лет назад в журнале «Российская история» была опубликована статья Д.В. Лисейцева под провокативным, по признанию самого автора, названием: «Почему Земский собор – не парламент?». Заняв ясную позицию по заявленному вопросу и приведя аргументы в пользу отсутствия какой-либо типологической близости между Земскими соборами и европейскими представительными учреждениями, исследователь пошёл ещё дальше, усомнившись в самой целесообразности сравнения этих столь разных, по его мнению, институтов: «Сравнивать соборы с парламентами – занятие в принципе неблагодарное, подобное сопоставлению велосипеда с ветряной мельницей»¹. Рассматривая выступление Лисейцева как приглашение к дискуссии, в предлагаемой статье я намерен обстоятельно обсудить проблему сопоставимости соборов и парламентов и на этом примере постараться продемонстрировать эвристические возможности сравнительно-типологического анализа².

В настоящее время мы наблюдаем новый этап дискуссии о Земских соборах, начавшейся спорами между западниками и славянофилами в середине XIX в. Наличие подробного историографического очерка в книге Л.В. Черепнина³ позволяет опустить здесь многие детали продолжающейся более полутора веков полемики и сосредоточить внимание на критериях, которыми руководствовались учёные, находя общие черты или, напротив, подчёркивая различия между Земскими соборами и европейскими учреждениями.

© 2024 г. М.М. Кром

¹ Лисейцев Д.В. Почему Земский собор – не парламент? // Российская история. 2020. № 4. С. 147.

² Некоторые наблюдения, развитые в этой статье, были ранее кратко сформулированы в работе: Кром М.М. Московские соборы и европейские парламенты: проблемы сравнительно-исторической типологии // Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время: К 85-летию Владислава Дмитриевича Назарова. М., 2023. С. 194–206.

³ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 5–47. Краткую сводку точек зрения на природу Земских соборов, включая сравнительно-исторический аспект этой проблемы, см.: Кристенсен С.О. История России XVII в. Обзор исследований и источников. М., 1989. С. 51–56.

Первую попытку рассмотреть соборы Русского государства в сравнительно-исторической перспективе предпринял Б.Н. Чичерин. Поставив соборы в один ряд с английским парламентом, французскими Генеральными штатами и сословными собраниями германских княжеств, учёный признал стадияльное сходство этих институтов: «Россия, как западные народы, проходит через период земских соборов, за которым следует полное владычество самодержавия»⁴. Однако сравнение оказалось не в пользу старинных московских учреждений. Классической страной представительных органов власти Чичерин считал Англию. Заслугу создания парламента он приписывал аристократии, сплочённо борющейся против королевского произвола: «Сила средневековых парламента основывалась на могуществе баронов», — полагал историк. «Война Роз» привела к упадку аристократии и проложила дорогу деспотизму Тюдоров. Во Франции же раздробленность страны и разобщённость сословий обусловили слабость Генеральных штатов, никогда не имевших такого значения, как английский парламент⁵. Таким образом, Чичерин видел истоки средневекового представительства во внутреннем антагонизме, в борьбе сословий (прежде всего аристократии) с королевской властью. Подобный взгляд вполне соответствовал историографии XIX в., когда Симона де Монфора прославляли как основателя английского парламента⁶. В России же, по мнению Чичерина, можно было заметить «менее внутренней борьбы, но более подчинения, нежели на Западе». В итоге монархия стала здесь «исходной точкой и вожатаем всего исторического развития народной жизни», а сословное представительство не смогло выработаться. Вывод историка неутешителен: «Очевидно, что при русском общественном строе, при громадном развитии самодержавной власти, при крепостном состоянии населения, Земские соборы должны были иметь несравненно меньшее значение, нежели подобные собрания на Западе»⁷. Даже в сравнении с французскими Генеральными штатами они казались ему «крайне скудными и бесцветными».

Так вопрос о типологии Земских соборов оказался, по сути, подменён Чичериним другим вопросом — об их историческом значении. Это обстоятельство не укрылось от внимания В.И. Сергеевича, отметившего, что Чичерин, указав на «однородность наших Земских соборов с подобными же учреждениями Западной Европы» в начале соответствующей главы своей книги, ограничился этим указанием⁸. Стремясь восполнить упомянутый пробел, Сергеевич опубликовал очерк, посвящённый истории соборов в Московском государстве, сравнив их с французскими Генеральными штатами и английским парламентом за первое столетие его существования. Он обнаружил множество общих черт в условиях их возникновения, социальном составе, нерегулярности созыва (полностью зависевшего от воли монарха) и даже в используемой терминологии (ссылках на согласие «всей земли», всего государства). «Сходства этих учреждений так многосторонни, — резюмировал учёный, — что никак не могут

---

⁴ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 355.

⁵ Там же. С. 245, 271, 272.

⁶ Koenigsberger H.G. Parliaments and Estates // The Origins of Modern Freedom in the West. Stanford, 1995. P. 150.

⁷ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 356, 363.

⁸ Сергеевич В.И. Земские соборы в Московском государстве // Сборник государственных знаний. Т. II. СПб., 1875. С. 3, примеч. 1.

быть приписываемы случаю, а должны быть объясняемы действием одинаких причин»⁹.

Разумеется, в рамках небольшого очерка Сергеевич смог только наметить линии сравнения соборов с аналогичными западноевропейскими институтами. Но изучение этой темы в сравнительном ключе с успехом продолжил в большой монографии, опубликованной в 1885 г., историк права В.Н. Латкин. Учёный существенно расширил круг сравниваемых явлений, поместив в книге обстоятельные очерки истории представительных учреждений не только России, Англии и Франции, но также Германии, Испании, Швеции, Венгрии. В итоге он пришёл к выводу о «поразительном сходстве» между сословными собраниями разных стран. Это сходство, по мнению Латкина, говорило о том, что представительные учреждения в России и на Западе «являются видами одного и того же рода учреждений и не составляют исключительной принадлежности какого-нибудь одного народа, а присущи всем европейским народам и вызваны к жизни одними и теми же причинами, так как ни о каких заимствованиях в данном случае не может быть и речи»¹⁰. В упрёк Латкину можно поставить некую идеализацию предмета его исследования — Земских соборов, а также преимущественное внимание к общим чертам в ущерб специфике изучаемых явлений. Более того, создаётся впечатление, что констатация сходства между ними была для автора самоцелью, и в итоге сравнение не стало способом прояснения спорных или загадочных сюжетов в истории соборов Московской Руси. Однако при всех недостатках, присущих работе Латкина, его книга и спустя почти 140 лет остаётся единственным крупным монографическим трудом по интересующей нас проблеме.

Заметным событием в историографии обсуждаемой темы стало появление в начале 1890-х гг. большого очерка В.О. Ключевского о составе представительства на соборах XVI в. Очерк посвящён Чичерину, чья книга неоднократно одобрительно цитировалась в статье. Ключевский разделял мнение коллеги о коренных различиях в происхождении представительных учреждений на Западе и в России. «Представительные собрания средневековой Западной Европы были вызваны к жизни политической борьбой и ею же воспитаны», а «соборное представительство выросло из политической почвы, мало похожей на ту, которая растила западные представительные собрания»¹¹, — под этими словами Ключевского вполне могли бы подписаться и другие историки государственной школы. Так, И.И. Дитятин писал в 1880 г.: «Являясь *представительными* учреждениями, наши земские соборы принадлежат к явлениям той же стадии развития государства, к какой относятся пресловутые États généraux Франции и начальные парламенты Англии, но этим их сходство в сущности и кончается. Там эти учреждения явились как результат борьбы отдельных классов феодального общества между собою и с королевской властью; здесь, в Московском государстве, *никакой* борьбы не существовало: власть царя московского объединяла вся и всё»¹².

⁹ Там же. С. 3, 4, 11–12, 14, 23, 25.

¹⁰ Латкин В.Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885. С. 406.

¹¹ Ключевский В.О. Состав представительства на Земских соборах древней Руси // Ключевский В.О. Сочинения в 8 т. Т. VIII. М., 1959. С. 7, 14.

¹² Дитятин И.И. Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства // Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 295.

Но Ключевский не ограничился констатацией упомянутого контраста; он дал понять читателю, что не считает плодотворным дальнейшее сравнительное изучение Земских соборов: сравнение с представительными учреждениями Европы, по его мнению, дало отрицательный результат, показав, «чем *не были* эти соборы», а чтобы понять, чем они *были*, следовало выяснить их связь «с вырастившей их почвой, с туземными учреждениями»¹³. Предпринятое Ключевским исследование состава представительства на соборах XVI в. как раз и являлось практической реализацией намеченной им научной программы. Результат исследования историк сформулировал в свойственной ему афористичной манере: «Собор 1566 г. был в точном смысле *совещанием правительства со своими собственными агентами*» (курсив Ключевского. — М.К.). Отсюда следовал не менее афористичный вывод о происхождении собора XVI в.: «Он родился не из политической борьбы, а из административной нужды»¹⁴.

Таким образом, к началу XX в. в изучении Земских соборов наметились две линии. Одна из них, ассоциируемая с именами Чичерина и Ключевского, исходила из представления о кардинальных различиях между соборным представительством на Руси и его аналогами на Западе. Устами Ключевского это направление рекомендовало историкам исследовать деятельность соборов в местном контексте, на «туземной почве», без оглядки на европейские образцы. Другую линию наметили труды Сергеевича и Латкина, подчёркивавшие общность русских и европейских представительных учреждений. В начале XX в. это направление поддержал Н.П. Павлов-Сильванский. В книге «Феодализм в древней Руси» (1907) он писал: «По своему составу и по отношению к верховной власти, по своим правам или, вернее, бесправию земский собор безусловно представляет собой учреждение, тождественное западноевропейским представительным собраниям средних веков»¹⁵.

Новый этап в изучении Земских соборов начался в 1950-х гг., уже в рамках советской историографии. На этот раз учёным удалось достичь временного консенсуса по вопросу о соотношении соборов и европейских представительных учреждений: и те и другие считались теперь институтами сословно-представительной монархии. Историк права С.В. Юшков, наиболее отчётливо сформулировавший концепцию сословно-представительной монархии в ходе дискуссии 1949–1951 гг., считал её переходной политической формой на пути от раннефеодальной к абсолютной монархии. По его мнению, указанная форма монархии существовала в Русском государстве с середины XVI до середины XVII в. и характеризовалась созданием сословно-представительных органов в центре (Земский собор) и на местах (система земского и губного самоуправления). Юшков утверждал даже (не приводя, впрочем, убедительных аргументов), будто царская власть в тот период была ограничена Боярской думой и Земским собором¹⁶.

Как показал М.А. Бойцов, понятие «сословно-представительная монархия» было заимствовано из работ русских медиевистов начала XX в. (прежде всего

¹³ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 14, 23.

¹⁴ Там же. С. 49, 110.

¹⁵ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 135.

¹⁶ Юшков С.В. К вопросу о политических формах Русского феодального государства до XIX века // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 72–73, 83, 85, 87; Юшков С.В. К вопросу о сословно-представительной монархии в России // Советское государство и право. 1950. № 10. С. 46, 48.

Н.И. Кареева); оно внесло немалую путаницу в представления советских учёных о феномене средневекового представительства. Термин «сословия», использованный Кареевым для передачи средневековых категорий *ordines, Stände, états*, в условиях поздней Российской империи имел чёткие коннотации и отсылал к большим социальным группам (дворянам, духовенству, городским и сельским обывателям), на которые официально делилось население. Между тем указанные средневековые понятия, как разъясняет Бойцов, отражали совсем другие представления об устройстве общества. Латинское слово *ordo*, как и немецкое *Stand*, обозначало социальный ранг или «чин», вне зависимости от того, сколько человек являлись его носителями. В Германской империи понятие *Stand* использовалось в отношении любого индивидуального субъекта права: князя, графа, аббата, вольного города (но не горожан!). Более того, в ряде монархий (Англии, Франции, Речи Посполитой) король считался первым *ordo* королевства. Поэтому представлять средневековые «сословия» в виде больших социальных групп наподобие марксистских «классов» было большой ошибкой. Не менее ошибочно понимание «сословного представительства» как защиты представителями сословий в парламенте своих групповых интересов. На самом деле, как подчёркивает Бойцов, смысл представительства, каков бы ни был состав соответствующего выборного органа, заключался в представлении интересов *всей* страны¹⁷.

Для историков-русистов понятие сословно-представительной монархии в смысле, вложенном в этот термин Юшковым и его последователями, порождало дополнительные сложности, поскольку применительно к середине XVI в., когда, как считается, был созван первый Земский собор, трудно разглядеть какую-либо политическую активность сословий, не говоря уже о мифическом ограничении царской власти со стороны собора или Боярской думы. И тем не менее на протяжении сорока лет, до начала 1990-х гг., концепция сословно-представительной монархии оставалась незыблемой доктриной советской историографии.

Вышедшая в 1958 г. статья академика М.Н. Тихомирова — первая после долгого перерыва специальная работа, посвящённая Земским соборам, — открывалась характерной фразой: «В XVI—XVII вв. в России, как известно, действовали сословно-представительные учреждения, получившие название земских соборов» (выделено мной. — М.К.). Очевидно, вопрос о природе соборов казался академику окончательно решённым. Примечательно, что он одобритительно отозвался о книге Латкина, поставив её выше известной статьи Ключевского о составе соборного представительства¹⁸, но при этом большая часть статьи самого Тихомирова посвящена, по сути, полемике с Ключевским. Признавая правоту Латкина и считая соборы сословно-представительными учреждениями европейского типа, Тихомиров на деле продолжил «линию Ключевского», изучая соборы изолированно от их зарубежных аналогов.

Статья Тихомирова задала направление дальнейшему изучению Земских соборов в советской историографии: учёные спорили о количестве соборов, созданных в XVI в.¹⁹, публиковали документы и выясняли фактические под-

¹⁷ Бойцов М.А. Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Средние века. Т. 75. 2014. № 3–4. С. 66–78.

¹⁸ Тихомиров М.Н. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) // Вопросы истории. 1958. № 5. С. 3, 22.

¹⁹ Павленко Н.И. К истории земских соборов XVI в. // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 82–105.

робности заседаний некоторых соборов XVII в.²⁰. Итоги этой, несомненно полезной, работы подведены в фундаментальной монографии Л.В. Черепнина²¹. Но конкретное сравнительно-историческое изучение соборов, прерванное ещё в конце XIX в., так и не возобновилось. Между тем уже в 1970-х гг. стали появляться отклики зарубежных специалистов на выдвинутую советскими учёными концепцию Земских соборов как разновидности европейских сословно-представительных учреждений. Британский исследователь А.Р. Майерс в обзоре истории европейских парламентов и сословных собраний до 1789 г. бегло упомянул и Земские соборы в России. Сославшись на мнение «великого историка Ключевского», он охарактеризовал их заседания в XVI в. как «собрания должностных лиц», а попытку Тихомирова оспорить эту точку зрения назвал неубедительной. В годы Смуты ситуация казалась многообещающей для развития представительного правления в России, но после избрания на трон Михаила Романова роль соборов стала снижаться: по словам Майерса, в русских условиях «собор оказался растением без каких-либо прочных корней». Для понимания этой оценки Земских соборов, данной британским историком, важно учесть его убеждённость в том, что парламенты были уникальным явлением, в своей повсеместной распространённости и силе присущим только западноевропейской цивилизации. За её пределами для подобных учреждений не нашлось благоприятной почвы: «Византийская традиция богоданной власти правителя, — пишет Майерс о России, — не оставляла места для политических прав общественных классов, гарантированных законом и выраженных в избранной ассамблее с полномочиями законодательной инициативы»²². В итоге, по мнению британского учёного, Земский собор как представительное учреждение просуществовал не более полувека и, по меркам Западной Европы, выглядит не очень впечатляюще.

На это можно возразить, что далеко не все ассамблеи средневековой Европы обладали правом законодательной инициативы; не все из них имели силы противиться воле монарха и не все пережили XVII в.: некоторые представительные институты, как будет показано ниже, исчезли почти одновременно с Земскими соборами. Что же касается следа в истории, оставленного теми или иными учреждениями, то, не говоря уже о субъективности подобных оценок, они не должны заслонять ключевой вопрос всякой сравнительной истории: идёт ли речь о явлениях одного типа, или они не имеют между собой ничего общего?

С критикой советской концепции Земских соборов выступил также немецкий историк-русист Х.-Й. Торке. Он посвятил этой проблеме главу в книге о России XVII в.²³, а позднее резюмировал свои взгляды в статье, опубликованной в 1991 г. в журнале «Вопросы истории». По мнению Торке, соборы (он предпочитает называть их «московскими собраниями») были не чем иным, как «информационными и декларативными совещаниями». При этом вывод учёного о «маловажности этого “института”, служившего только декларативным целям», вытекал из общего тезиса о несовместимости представительства

²⁰ Шумилов В. Н. Дело земского собора 1639 г. // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М., 1975. С. 293–302.

²¹ Черепнин Л. В. Указ. соч.

²² Myers A. R. *Parliaments and Estates in Europe to 1789.* L., 1975. P. 34, 41, 46.

²³ Torke H.-J. *Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613–1689.* Leiden, 1974. S. 119–215.

и самодержавия. «Сравнивая сущность “московских собраний” и западных парламентов, — полагает Торке, — не стоит идти по пути многих прежних исследователей, перечислявших внешние сходства или различия: имеются и те и другие. Вообще институционный характер соборов является слабо развитым; важно лишь соотношение сил между монархом и собранием; только это соотношение даёт ответ на вопрос о значении соборов». Замечу, что в основе подхода немецкого историка к анализу деятельности Земских соборов (как и в основе приведённого выше нелестного мнения о них Майерса) лежала уверенность в том, что отношения между монархом и представительным собранием носили антагонистический характер; сотрудничество между ними явно не вписывалось в эту схему. Неудивительно, что «покладистость» Земских соборов в России (как и Генеральных штатов во Франции) выглядела в такой перспективе как явная слабость. Торке нашёл причины этой слабости соборов в неразвитости русских сословий: посадские люди «не имели свойств западноевропейского гражданства», а служилое дворянство не обладало «настоящим сословным сознанием»; в итоге в Московской Руси не возникло сословного представительства: «это не была “сословно-представительная монархия”»²⁴.

В 1990-х гг. подобные оценки начали звучать и в самой России. В.М. Паненях солидаризировался с мнением Торке и, говоря о политическом строе Московского царства XVI в., отверг прежнюю точку зрения о сословном представительстве и сословно-представительной монархии на том основании, что сословия тогда ещё не сформировались²⁵. Ещё дальше в критике сложившейся в советские годы концепции пошёл А.П. Павлов, поставивший под сомнение тождество соборов и западноевропейских сословно-представительных учреждений. Он увидел различие в путях зарождения и развития тех и других институтов: «Становление высших сословно-представительных учреждений (парламентов) в странах Западной Европы происходило “снизу”, в процессе борьбы сословий с государством с целью завоевания политических прав и привилегий. Результатом этой борьбы было ограничение власти монарха сословиями и утверждение политического строя сословно-представительной монархии. Развитие земских соборов происходило “сверху” и было тесно связано с развитием самодержавия»²⁶.

Читая эти строки, невольно думаешь о цикличности развития отечественной историографии, ведь примерно в тех же словах писали о рождении западных парламентов в ходе борьбы сословий за свои политические права мэтры государственной школы Чичерин, Дитятин, Ключевский, и они же противопоставляли этим закалённым политической борьбой учреждениям русский Земский собор, вызванный к жизни административными потребностями самодержавного государства. Но сама идея о том, что средневековые парламенты были ареной борьбы между сословиями и монархами, отнюдь не являлась изобретением русских учёных; скорее она была общим местом либеральной историографии XIX в., и её отголоски можно обнаружить даже в трудах европейских историков второй половины XX в. (в том числе — в процитированных

²⁴ Торке Х.-Й. Так называемые земские соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 4, 5, 7, 9.

²⁵ Паненях В.М. Русь в XV–XVII вв. Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 73.

²⁶ Павлов А.П. Самодержавие и земские соборы Русского государства XVI–XVII веков // Место России в Европе (Материалы международной конференции). Budapest, 1999. С. 115.

выше работах Майерса и Торке). Лишь сравнительно недавно либеральный миф о средневековом представительстве подвергся основательной ревизии.

Другим камнем преткновения для современных исследователей Земских соборов остаётся проблема сословного представительства. Характерно, что даже отказываясь видеть в соборах сословно-представительные учреждения, подобные западным, они продолжают считать таковыми европейские парламенты. Павлов пишет, ссылаясь на статью Торке, о большой роли местных сословно-представительных органов (сеймиков, ландтагов и т.д.) в развитии западноевропейского парламентаризма: «Органы сословного самоуправления на местах являлись как бы фундаментом здания сословно-представительной монархии, в то время как общегосударственные сословные собрания (парламенты) — его верхушкой»²⁷. В России, по мнению Павлова, зарождение соборов также совпадало по времени со становлением местных органов сословного самоуправления, но далее пути развития этих органов в Московском государстве и странах Западной Европы разошлись. Опричная политика Ивана Грозного привела к значительному ослаблению органов сословного самоуправления на местах; одновременно заметно усилился контроль центральной власти над уездами. Однако несмотря на упадок местного сословного самоуправления, практика созыва Земских соборов продолжилась и после опричнины. «Это обстоятельство, — полагает Павлов, — трудно объяснить, если стать на точку зрения отождествления земских соборов с сословно-представительными учреждениями (парламентами) западноевропейских стран: получается, что земские соборы как высшие сословно-представительные учреждения развивались без “корней” на местах». Здесь, конечно, уместно напомнить о том, что английский парламент, как и Земский собор в России, был единственным представительным органом в своей стране. Но этот пример явно не учтён в той воображаемой модели «европейского парламента», на которую ориентировался российский исследователь. Поэтому он сделал весьма категоричный вывод: «Факт развития земских соборов в условиях падения органов сословного самоуправления на местах ещё раз свидетельствует о принципиальном различии земских соборов и европейских парламентов. Очевидно, что земские соборы выполняли в Русском государстве иные функции, чем парламенты в странах Западной Европы»²⁸.

Сословность играет важную роль и в аргументации Д.В. Лисейцева, отрицающего, как и А.П. Павлов, типологическое сходство Земских соборов и западных представительных учреждений. По его мнению, соборы не являлись органами сословного представительства, поскольку «сословия как таковые в период деятельности Земских соборов ещё не сформировались, и посадский человек из Пскова не ощущал сословного единства с посадским из Твери или Ярославля; равным образом, дети боярские из Смоленска совсем не обязательно чувствовали сословную солидарность с казанскими детьми боярскими»²⁹. Как видим, сословия понимаются здесь именно в том специфическом смысле, о каком писал М.А. Бойцов: как большие социальные группы, которые непременно должны охватить всю страну, чтобы считаться «полностью сформировавшимися». Между тем в России XVII в., по наблюдениям Ли-

---

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 117–118.

²⁹ Лисейцев Д.В. Почему Земский собор — не парламент? С. 149.

сейцева, сословно-чиновные различия играли заметную роль на микроуровне, но на уровне общегосударственном важнее оказались территориальные связи. «В подобных обстоятельствах *сословное* представительство возникнуть не могло», — заключает исследователь (курсив Д.В. Лисейцева. — М.К.). При этом по умолчанию предполагается, что в западных ассамблеях сословные интересы были чётко представлены, и поэтому делается вывод: «Отсутствие у социальных групп российского общества XVII в. осознания собственного единства в масштабах государства обусловило, в конечном итоге, невозможность превращения Земского собора в парламент»³⁰.

Для того чтобы адекватно оценить вышеприведённые умозаключения, нужно учесть, что корректность исторического сравнения напрямую зависит от надёжности фактической основы, на которую оно опирается во всех своих частях. Но если утверждения историков-русистов о Земских соборах подкреплены рядом конкретных наблюдений, то относительно их суждений по поводу западных представительных учреждений этого сказать нельзя: большинство подобных высказываний со времён Ключевского вообще не содержат каких-либо ссылок на исследования медиевистов или специалистов по истории раннего Нового времени, а оперируют абстрактными схемами и ориентируются на некий собирательный образ европейского парламента, сконструированный на основе неясных критериев. Неудивительно поэтому, что из работы в работу повторяются устаревшие, а то и вовсе ошибочные оценки, уже не соответствующие современным научным представлениям. К числу таких сомнительных истин относится идея о якобы извечной и неизбежной оппозиционности европейских представительных органов по отношению к монархам, равно как и тезис о сословности как системообразующем принципе организации и деятельности подобных учреждений.

Между тем за почти сто лет систематического изучения феномена представительства в Европе накоплен значительный объём эмпирических наблюдений, и многие прежние взгляды подверглись ревизии. С момента создания в 1936 г. Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений (ICHRPI) под эгидой этой научной ассоциации опубликовано более 100 томов — индивидуальных монографий, сборников статей и материалов конференций³¹. Помимо необозримого множества специальных работ, прослеживающих истоки парламентаризма в тех или иных странах, в распоряжении исследователей сегодня есть ряд обзорных и обобщающих трудов³².

Заслуживают внимания попытки исследователей найти обобщающий термин, способный охватить всю совокупность различных представительных органов средневековой Европы. В 1960-х гг. итальянский историк А. Маронжу предложил в качестве такого термина слово «парламент»; при этом сословные собрания он считал только разновидностью парламентских учреждений. По его наблюдениям, присутствие «сословий» — дифференцированных эле-

³⁰ Там же. С. 150.

³¹ Информация с официального сайта Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений (URL: <https://ichrpi.info/studies/> (дата обращения — 6.03.2024 г.)).

³² *Marongiu A.* Medieval Parliaments. A Comparative Study. L., 1968; *Myers A.R.* Op. cit.; *Blockmans W.* Representation (Since the Thirteenth Century) // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. VII. Cambridge, 1998. P. 29–64; *Graves M.A.R.* The Parliaments of Early Modern Europe. Harlow; L., 2001; *Zanden J.L. van, Buringh E., Bosker M.* The Rise and Decline of European Parliaments // *The Economic History Review*. Vol. 65. 2012. № 3. P. 835–861.

ментов общества, социальных организаций, развивавших коллективную идентичность и очень важные публичные функции начиная с XIV в., — не было ни изначальным, ни всеобщим, а следовательно, и обязательным для парламента. Во Франции, Испании, Сицилии, Фландрии и некоторых других странах деление на сословия внутри больших парламентских ассамблей возникло позднее, чем появились первые собрания³³.

Впоследствии бельгийский историк В. Блокманс поддержал отказ Маронжу от использования термина «сословия» (*Stände, états*) в качестве обобщающего понятия, слишком специфичного для «великого разнообразия» представительных учреждений, но и предложенный итальянским историком альтернативный термин — «парламент» — не показался Блокмансу удачным по сходным причинам, а также из-за возможной путаницы с названием французского королевского суда, тоже именовавшегося парламентом³⁴. Действительно, в позднесредневековой Западной Европе латинское слово «*parlamentum*» нередко использовалось для обозначения верховного суда: помимо Парижского парламента, упоминаемого Блокмансом, аналогичное учреждение с таким названием существовало в конце XIII — начале XV в. в Датском королевстве³⁵. Поэтому можно согласиться с бельгийским учёным в том, что выражение «представительные учреждения» лучше передаёт суть обсуждаемого явления, чем слова «сословия» или «парламенты».

Блокманс предложил также несколько вариантов типологии представительных органов средневековой Европы. Сначала он выделил пять типов представительства в зависимости от социально-экономического контекста: два из них относились преимущественно к сельскохозяйственным регионам, третий — к высоко урбанизированным областям (таким, как Фландрия, Брабант, Голландия), четвёртый — к городским лигам (вроде немецкой Ганзы), не подчинявшимся центральному правительству, и, наконец, пятый — к автономным городам, существовавшим, например, в Северной Италии³⁶. Позднее учёный существенно упростил классификацию, выделив, исходя из того, кому принадлежала инициатива созыва собраний, всего два типа представительства. Первая — монархическая модель, истоки которой обнаруживаются в расширении княжеских дворов, а легитимация основывалась на римско-канонических теориях; инициатива представительства в этой модели принадлежала монарху. Вторая — коммунальная модель, проявлявшаяся в виде спонтанных действий местных сообществ, защищавших свои коллективные интересы³⁷.

Монархическая модель была преобладающим типом представительства в средневековой и раннемодеิร์นй Европе, и именно она в первую очередь представляет для нас интерес. Говоря о взаимоотношениях королевской власти и представительных собраний, следует, прежде всего, избавиться от возникшего в XIX в. либерального мифа об извечной оппозиционности и чуть ли не революционности средневековых парламентав. Британский историк К. Рассел писал в 1982 г. о том, что недавно исследования парламентской истории стали

³³ Marongiu A. Op. cit. P. 49.

³⁴ Blockmans W. Representation... P. 32.

³⁵ Антонов В.А. Институты власти в Дании в 1000—1660 гг. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. С. 528—529.

³⁶ Blockmans W. A Typology of Representative Institutions in Late Medieval Europe // Journal of Medieval History. 1978. Vol. 4. P. 204—209.

³⁷ Blockmans W. Representation... P. 61, 63.

освобождаться от «пагубного влияния» Ш. Монтескё с его акцентом на разделении властей; он одобрительно цитировал своего американского коллегу Р. Мейджора, специалиста по представительным учреждениям ренессансной Франции, полагавшего, что учёным «следует оставить либеральное предположение, будто короли и сословия были естественными противниками»³⁸.

Безусловно, известны случаи упорного противостояния между представительными органами и монархами, особенно характерные для урбанизированных областей вроде Брабанта, где ведóмые горожанами штаты добились в 1356 г. от герцога Венцеслава из новой Люксембургской династии утверждения хартии, вошедшей в историю под названием «Торжественное вступление» (*Joyeuse Entrée*). Этот, по сути, конституционный акт существенно ограничивал прерогативы князя, бравшего на себя обязательство заключать союзы, начинать войну, чеканить монету лишь с согласия «всей страны» (*gemeen land*)³⁹. В Вюртемберге местный ландтаг, где тон опять-таки задавали городские патриции, в 1498 г. вынудил строптивного и неумелого герцога Эберхарда Младшего покинуть страну, а после подтверждения его низложения императором Максимилианом престол передали 9-летнему племяннику прежнего герцога Ульриху, и на период его малолетства учредили регентство⁴⁰.

Однако эти яркие эпизоды не должны заслонять общей картины политической жизни Европы XIV–XV вв., характеризующейся скорее согласием между монархами и представительными органами, нежели конфликтами. Хельмут Кёнигсбергер говорит даже о «партнёрстве между королями и парламентами», в той или иной форме существовавшем по всей Европе, от Польши до Португалии и от Норвегии до Сицилии, причём в этом партнёрстве короли были сильнейшей, хотя едва ли полностью доминирующей стороной⁴¹.

Английский парламент, чьё возникновение в исторической памяти прочно ассоциируется с лидером мятежных баронов Симоном де Монфором, к концу XIII в. превратился, по словам Е.В. Гутновой, «в постоянно действующий орган центрального правительства, который созывался по инициативе самого короля». По мнению исследовательницы, «королевская власть и парламент, за исключением редких моментов, мирно сосуществовали друг с другом, проявляя полное единодушие во всех основных направлениях своей политики»⁴². Х.Г. Кёнигсбергер привёл факты тесного сотрудничества английского парламента и Короны в годы Столетней войны; описал, как французские короли добивались своих целей (прежде всего, согласия на налогообложение) в отношениях с провинциальными штатами страны, прибегая не к нажиму, а к подкупу⁴³.

XVI столетие открыло новую страницу в истории сотрудничества между представительными органами и монархами, когда английский парламент,

³⁸ *Russell C.S.R. Monarchies, Wars, and Estates in England, France, and Spain, c. 1580 – c. 1640 // Legislative Studies Quarterly. Vol. 7. 1982. № 2. P. 206.*

³⁹ *Пиренн А. Средневековые города Бельгии. СПб., 2001. С. 466.*

⁴⁰ *Carsten F.L. Princes and Parliaments in Germany from the Fifteenth to the Eighteenth Century. Oxford, 1959. P. 8–9.*

⁴¹ *Koenigsberger H.G. Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale: Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe // Koenigsberger H.G. Politicians and Virtuosi: Essays in Early Modern History. L.; Ronceverte, 1986. P. 3.*

⁴² *Гутнова Е.В. Возникновение английского Парламента (Из истории английского общества и государства XIII века). М., 1960. С. 562.*

⁴³ *Koenigsberger H.G. Parliaments and Estates. P. 159–160.*

шведский риксдаг и ландтаги ряда германских княжеств стали послушным орудием своих государей в проведении Реформации⁴⁴. Поэтому характерное для отечественной историографии со времён государственной школы противопоставление лояльного царю Земского собора «мятежным» западным парламентам лишено серьёзных оснований.

Место представительных учреждений в монархической системе правления чётко объяснил А. Маронжу: средневековые парламенты «были не в состоянии выступить с важными инициативами и осуществлять их на практике. Чтобы делать это, они должны были бы трансформироваться в органы правительства. Но это могло бы стать возможным лишь революционным путём». Положение и почти обязанность средневековых ассамблей, продолжает Маронжу, предполагали контроль за тем, чтобы государь и его сотрудники осуществляли задачи по управлению страной с максимальной экономией. При этом «они никогда не оспаривали право государя управлять и действительно хотели дать [ему] совет и помощь»⁴⁵.

В переосмыслении нуждается и сам феномен средневекового представительства: любые аналогии с парламентаризмом Нового времени на поверку оказываются ошибочными. Выясняется, что грань между избранием и назначением депутатов, особенно на раннем этапе формирования представительных органов, была очень размытой. Известно, что в ряде случаев депутаты от духовного сословия на первые Генеральные штаты во Франции прямо назначались аббатом или приором монастыря, а условия представительства дворянства в письмах-вызовах, рассылаемых от имени короля, вообще не оговаривались; что же касается уполномоченных от городов, то значительную их часть, согласно сохранившимся документам, назначили должностные лица соответствующего города: мэры, эшевен, консулы и т.д.⁴⁶ Стоит также присмотреться к составу представителей, присутствовавших на государственных ассамблеях XV–XVI вв. Как показало большое просопографическое исследование, проведённое Н. Бульстом, 84 из 269 депутатов французских Генеральных штатов 1484 г., т.е. почти одну треть, составляли королевские чиновники. Среди представителей третьего сословия эта доля оказалась ещё выше: 66 человек из 105 депутатов, т.е. 62,9%⁴⁷. Очевидно, эти добрые люди понятия не имели о принципе разделения властей (его сформулировали лишь в XVIII в.) и, вместо того чтобы самоотверженно отстаивать интересы «городского сословия» (как это представлялось советским историкам), делали карьеру на королевской службе. Та же тенденция наблюдалась и в XVI – начале XVII в.: по подсчётам Р. Мейджора, на Генеральных штатах 1576 г. королевские чиновники составляли 35,8% среди депутатов от третьего сословия, в 1588 г. их доля возросла до 43,8%, в 1593 г. – до 47,3%, а в 1614 г. достигла 49,5%⁴⁸.

Описанное явление характерно отнюдь не только для Франции: более 81% из примерно 700 рыцарей, избранных в английский парламент от графств с 1439 по 1509 г., были местными мировыми судьями; половина шерифов побывали

⁴⁴ *Koenigsberger H.G., Mosse G.L., Bowler G.Q.* Europe in the Sixteenth Century. Harlow, 1989. P. 289, 291; *Щеглов А.Д.* Реформация в Швеции: события, деятели, документы. М.; СПб., 2017.

⁴⁵ *Marongiu A.* Op. cit. P. 236.

⁴⁶ *Хачатурян Н.А.* Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976. С. 84, 88.

⁴⁷ *Bulst N.* Die französischen Generalstände von 1468 und 1484. Prosopographische Untersuchungen zu den Delegierten. Sigmaringen, 1992 (Beihefte der Francia, Bd. 26). S. 344.

⁴⁸ *Major J.R.* The Deputies to the Estates General in Renaissance France. Madison, 1960. P. 139.

членами парламента в какой-то момент своей жизни, а вообще сотни парламентариев при ближайшем рассмотрении оказались королевскими агентами по делам о выморочном имуществе, сборщиками пошлин, комендантами замков и обладателями других должностей на королевской службе⁴⁹. На этом фоне знаменитая характеристика, данная Ключевским Земскому собору 1566 г. — «совещание правительства со своими собственными агентами», — теряет налёт былой сенсационности, фиксируя отнюдь не уникальное, а вполне типичное для Европы того времени явление.

Организационная структура представительных учреждений в разных странах Европы, по-видимому, определялась представлениями о стратификации того или иного общества. Поэтому, например, кастильские кортесы, французские Генеральные штаты и ландтаги некоторых германских княжеств были трёхпалатными — по числу «главных» сословий, а арагонские кортесы состояли из четырёх палат, поскольку гранды (*ricos hombres*) заседали отдельно от дворян (*caballeros*). Четыре палаты имел и шведский риксдаг — за счёт создания отдельной курии для крестьян. В то же время средневековый шотландский парламент оставался однопалатным, и там совместно заседали прелаты, дворяне и горожане⁵⁰. В отличие от большинства континентальных ассамблей, английский парламент был организован не по сословному, а по территориальному принципу: страна мыслилась как совокупность общин, посылавших в нижнюю палату своих представителей.

Но какую бы структуру подобные собрания ни имели, все они, как отмечают многие исследователи, представляли «весь народ», всё политическое сообщество (королевство, герцогство и т.д.)⁵¹. Поэтому, когда Лисейцев пишет о Земских соборах, что «это было не сословное, а *территориальное* представительство», и что, организуя соборы, «столичные власти стремились обеспечить на них представительство не столько “чинов”, сколько “земель”»⁵², то с этими утверждениями вполне можно согласиться. Однако при этом нужно учесть, что отмеченный исследователем территориальный характер представительства вовсе не являлся уникальной особенностью Земских соборов, а был присущ многим европейским ассамблеям. Ведь, согласно удачной формулировке Бойцова, «цель монархов далёкого прошлого состояла не в том, чтобы собрать представителей трёх (или любого иного числа) “сословий”, а чтобы получить представительство *всего* королевства, княжества или *всей* “земли”»⁵³.

Осталось обсудить ещё одно «сущностное отличие» между Земскими соборами и европейскими представительными учреждениями, которое Лисейцев усматривает в большом хронологическом разрыве между временем появления одних и других⁵⁴. Но этот разрыв объясняется тем, что исследователь ограничился всего тремя примерами: английского парламента, французских Генеральных штатов и кортесов пиренейских королевств. Если же принять во внимание растянувшийся на несколько веков процесс становления представительных органов в разных частях Европы, то картина получится совсем другой. Раньше

⁴⁹ *Blockmans W.* Representation... P. 63.

⁵⁰ Компактный обзор композиционного устройства представительных ассамблей к концу Средневековья см.: *Graves M.A.R.* Op. cit. P. 25–26.

⁵¹ *Marongiu A.* Op. cit. P. 223, 228; *Myers A.R.* Op. cit. P. 26; *Graves M.A.R.* Op. cit. P. 160, 176.

⁵² *Лисейцев Д.В.* Почему Земский собор — не парламент? С. 148, 150.

⁵³ *Бойцов М.А.* Сословно-представительная монархия... С. 70.

⁵⁴ *Лисейцев Д.В.* Почему Земский собор — не парламент? С. 145.

всего ассамблеи такого рода появились на Пиренейском полуострове: датой созыва первых кортесов королевства Леон считается 1188 г., но регулярно их стали собирать в XIII в.: в начале столетия — в Кастилии, в 1220-х гг. — в Каталонии, в середине века — в Арагоне и Португалии, ещё позднее — в Валенсии⁵⁵. К концу же столетия сформировался английский парламент, а в 1302 г. впервые были созваны французские Генеральные штаты. Следующая фаза становления представительных учреждений пришлась на XIV в. и охватила Центральную Европу: в середине указанного столетия упоминаются первые ландтаги в Нижней и Верхней Баварии, в 1385 г. — в Саксонии, в 1387 г. — в Гессене⁵⁶. В 1380-х гг. появился польский сейм⁵⁷.

В XV в. наконец завершилось формирование сословных собраний в германских княжествах (первое определённое свидетельство о ландтаге в Вюртемберге относится к 1457 г.⁵⁸) и Венгрии⁵⁹, а в Скандинавии оно только началось: в Дании первый сословный съезд состоялся в 1468 г., два последующих — в 1482 и 1494 гг., но созывались такие съезды редко и даже не имели постоянного наименования (в источниках XVI в. их иногда называют государственными собраниями — ригсдагами)⁶⁰. В Швеции, хотя истоки парламентской традиции принято возводить к расширенному заседанию Государственного совета в Арбуге в январе 1435 г., куда получили приглашение представители некоторых городов⁶¹, регулярно риксдаг стал созываться только при Густаве Вазе в 1520-х гг.⁶² Нетрудно заметить, что возникновение Земских соборов в России (традиционная дата — 1549 г.) вполне вписывается в позднюю фазу указанного общеευропейского процесса.

Таким образом, там, где современные сторонники государственной школы видят «массу существенных различий» между соборами и их европейскими аналогами⁶³, компаративист, знакомый с литературой о развитии средневекового представительства, обнаруживает вполне привычную картину. Но как убедиться в том, что многочисленные черты сходства, отмеченные ещё Сергеевичем и Латкиным, носят не случайный, а системный характер, и что типологически перед нами разные варианты одного и того же явления?

Прежде всего необходимо обратить внимание на общность происхождения сравниваемых институтов: все представительные собрания образовались из расширенного королевского совета (*curia regis*)⁶⁴. С наибольшей наглядностью это проявилось в названии одного из старейших органов такого рода — кастильских кортесов (*cortes* — букв. «дворы»), вошедшем в употребление с середины XIII в.⁶⁵ В 1150—1170-х гг. короли Леона и Кастилии регулярно приглашали на

---

⁵⁵ Варьяш И.И. Потестарные институты и должности в Испании в V—XV вв. // Властные институты и должности в Европе... С. 421—422; Варьяш О.И. Начала португальских кортесов // Средние века. 1995. Вып. 58. С. 39.

⁵⁶ Carsten F.L. Op. cit. P. 149, 193, 352.

⁵⁷ Historia sejmu polskiego. T.I. Do schyłku szlacheckiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1984. S. 14.

⁵⁸ Carsten F.L. Op. cit. P. 6.

⁵⁹ Гусарова Т.П. Потестарные институты и должности в Венгерском королевстве в XI—XVII вв. // Властные институты и должности в Европе... С. 480.

⁶⁰ Антонов В.А. Институты власти в Дании... С. 533—534.

⁶¹ История Швеции. М., 1974. С. 124.

⁶² Graves M.A.R. Op. cit. P. 103.

⁶³ Лусейцев Д.В. Почему Земский собор — не парламент? С. 145.

⁶⁴ Koenigsberger H.G. Parliaments and Estates. P. 154, 165; Graves M.A.R. Op. cit. P. 28.

⁶⁵ Blockmans W. Representation... P. 40.

расширенные заседания своей курии епископов и аббатов, графов и баронов, губернаторов провинций, а в 1188 г. на совете в Леоне впервые зафиксировано присутствие представителей городов⁶⁶. Подобным же образом постепенно происходило расширение королевского совета в Англии. Уже в ст. 14 Великой хартии вольностей (1215) предусматривался вызов королём на «общий совет королевства» архиепископов, епископов, графов и старших баронов для решения вопросов налогообложения⁶⁷; с 1254 г. на консультации по этим вопросам стали приглашаться рыцари из графств, а в 1265 г. впервые зафиксировано появление в парламенте представителей городов, но только в 1320-х гг. оно стало постоянным⁶⁸. Польский сейм вырос из Королевской рады полного состава, вокруг которой собиралась шляхта, имевшая право участия в политической жизни. Поначалу помимо шляхты на такие собрания прибывали представители городов и церковных капитулов, но их участие по ряду причин не получило продолжения⁶⁹.

Точно таким же способом, путём расширения государева совета, формировался и Земский собор, на что уже давно обратили внимание историки права: ещё М.Ф. Владимирский-Буданов писал, что «в исторической последовательности соборы Московского государства (подобно сеймам Литовско-Русского) находятся в тесном соотношении с Боярской думой в её распространённом составе»⁷⁰. Первым шагом в процессе этого расширения, по-видимому, стали совместные заседания Думы и Освященного собора, куда с какого-то момента начали приглашать служилых людей, а в 1566 г., как известно, на соборе впервые присутствовала большая группа купцов⁷¹.

Ещё одной родовой чертой средневековых ассамблей, включая и Земский собор, была их непосредственная зависимость от воли монарха, которому принадлежала исключительная прерогатива как созыва, так и роспуска подобных собраний⁷².

Наряду с общностью происхождения очень важным критерием установления типологического сходства сравниваемых институтов является полное или частичное совпадение их функций. Круг проблем, обсуждаемых представительными собраниями, был весьма широк, варьируясь от региона к региону. Среди вопросов, стоявших на повестке дня штатов Фландрии в конце XIV — начале XVI в., по подсчётам Блокманса, заметно преобладали финансы и торговля, а депутатов португальских кортесов XIV в., по наблюдениям О.И. Варьяш, более всего волновали злоупотребления королевских должностных лиц⁷³. Кортесы Леона, Кастилии и Арагона, ландтаги многих германских княжеств и представительные органы ряда других стран не раз в своей истории вовлекались в урегулирование проблем престолонаследия, включая избрание нового правителя, назначение регентства при малолетнем принце и т.д.⁷⁴ В том же ряду следует

⁶⁶ O'Callaghan J.F. The Beginnings of the Cortes of Leon-Castile // The American Historical Review. Vol. 74. 1969. № 5. P. 1504–1506, 1513–1516.

⁶⁷ Петрушевский Д.М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII в. М.; Челябинск, 2016. Приложение I. С. 169.

⁶⁸ Blockmans W. Representation... P. 49.

⁶⁹ Historia sejmu polskiego. Т. I. S. 9.

⁷⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 188.

⁷¹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 109.

⁷² Marongiu A. Op. cit. P. 56–57.

⁷³ Blockmans W. A Typology... P. 201; Варьяш О.И. Начала португальских кортесов. С. 44.

⁷⁴ Blockmans W. Representation... P. 39–47.

упомануть и избирательные соборы 1598 и 1613 гг. в России. Оставляя в стороне дискуссионный вопрос о соблюдении в том и другом случае избирательной процедуры⁷⁵, подчеркну, что само оформление царского избрания соборными решениями находилось в русле европейской парламентской традиции.

Проблемы внешней политики становились предметом обсуждения всех без исключения европейских ассамблей: сразу вспоминаются первые Генеральные штаты, собранные французским королём Филиппом IV ради поддержки в борьбе с папой Бонифацием VIII. Аналогичную роль в России сыграл собор 1566 г., созданный Иваном IV для обсуждения вопроса о продолжении войны с Литвой. В XVII в. внешнеполитическим вопросам был посвящён целый ряд соборов: о войне с Речью Посполитой (1621), об отношениях с Крымским ханством (1639), об Азове (1642), о принятии в подданство Богдана Хмельницкого с Запорожским войском (1653) и др.⁷⁶

Очень важной функцией средневековых представительных учреждений было вотирование налогов⁷⁷. В России ни закон, ни традиция не требовали от царя обращаться за финансовой помощью к какому-либо выборному органу. И тем не менее в условиях разорения страны, вызванного Смутой, правительство царя Михаила Фёдоровича сочло необходимым созвать Земский собор для одобрения чрезвычайного 20-процентного налога — «пятой деньги». В литературе принято считать, что соборы в первые годы нового царствования заседали почти непрерывно и все пять запросов «пятинных денег» в 1614–1618 гг. были утверждены выборными людьми⁷⁸. Однако, как показал Лисейцев, есть документальные сведения лишь об одном таком соборе, заседавшем в феврале–марте 1616 г. и принявшем решение о взимании третьей «пятинны»; этот чрезвычайный налог принёс в казну дополнительно около 190 тыс. руб.⁷⁹ Впоследствии, когда во время Смоленской войны вновь возникла острая потребность в деньгах, правительство дважды, в 1632 и 1634 гг., прибегло к сбору «пятинны», причём соответствующие решения были оформлены как соборный приговор, однако неизвестно, присутствовали ли на этих соборах выборные люди, или дело ограничилось созывом столичных чинов⁸⁰.

Будучи расширенной версией королевского совета, ранние представительные ассамблеи унаследовали некоторые его функции и, в частности, судебную: там подавали петиции, оглашали жалобы, подтверждали привилегии и т.д. Английский парламент действовал как «Высокий суд» в первое столетие его существования; отправление правосудия было также важной функцией шотландского парламента, арагонских кортесов, польского сейма и т.д.⁸¹ Земские соборы, подобно французским Генеральным штатам или датскому сословному собранию (ригсдагу), не обладали судебными функциями. Однако с ростом самосознания разных социальных групп в первой половине XVII в. соборы стали использоваться как площадка для отстаивания коллективных интересов,

---

⁷⁵ *Liseytssev D. Zemsky Sobors of the Late 16th – Early 17th Century in Russia: Historiographical Stereotypes in the Reflection of Historical Sources // Studia historica: Historia moderna. 2015. Vol. 37. P. 74–77, 81–84.*

⁷⁶ *Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 106–107, 236–238, 256–260, 262–272, 327–337.*

⁷⁷ *Blockmans W. Representation... P. 48–53.*

⁷⁸ *Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 216–229.*

⁷⁹ *Liseytssev D. Zemsky Sobors of the Late 16th – Early 17th Century... P. 86–87.*

⁸⁰ *Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 245–252.*

⁸¹ *Graves M.A.R. Op. cit. P. 28.*

обличения «неправд», злоупотреблений и даже для выдвижения проектов преобразований. «Сказки» и «речи», прозвучавшие, например, на соборе 1642 г., а также челобитные, поданные властям выборными людьми в период работы «уложенного» собора 1648–1649 гг. и повлиявшие на ряд статей нового кодекса законов⁸², — всё это живо напоминает практику подачи петиций, занимавшую центральное место в работе кортесов, парламентов, ландтагов и иных представительных учреждений.

Таким образом, по происхождению, отношениям с верховной властью и функциям Земские соборы обнаруживают глубинное сходство с аналогичными институтами Европы и вполне могут считаться разновидностью монархической модели средневекового представительства. Этот вывод важен уже хотя бы потому, что он избавляет исследователей от необходимости изобретать некий особый, самобытный тип представительства, олицетворяемый Земским собором: все попытки такого рода до сих пор не увенчались успехом. Кроме того, помещая изучаемый институт в сравнительный контекст, мы получаем возможность лучше понять его природу и прояснить некоторые спорные или загадочные аспекты его истории.

К числу таких спорных проблем относится вопрос о времени зарождения Земских соборов. Принято считать, что первым из них был так называемый собор примирения 1549 г., где присутствовали бояре, церковные иерархи во главе с митрополитом, а также воеводы, дети боярские и большие дворяне⁸³. Между тем по составу участников это собрание практически ничем не отличается от описанного в летописи совещания при дворе Ивана III, состоявшегося перед походом на Новгород в 1471 г.: «И в той час князь велики розосла по братию свою, и по все епископы земли своая, и по князи, и по бояря свои, и по воеводы, и по вся воа своа. И яко же вси снидошася к нему, тогда всем възвещает мысль свою, что ити на Новьгород ратью»⁸⁴. Комментируя этот эпизод, М.А. Дьяконов ещё в 1908 г. справедливо заметил, что «совместные совещания Освященного собора и думы начинают со второй половины XV в. расширяться присоединением к ним нового составного элемента из среды служилых людей»⁸⁵. Поэтому выбор 1549 г. как начальной даты в истории Земских соборов выглядит искусственно и разрывает традицию подобных совещаний, явно восходящую к более раннему времени. Подобно представительным учреждениям других стран, соборы в России имели свою предысторию: именно так, по видимому, стоит рассматривать возникшую в XV в. практику совместных заседаний Боярской думы и Освященного собора, куда изредка приглашали воевод и некоторых столичных дворян. При этом форма (а впоследствии и название) нового совещательного органа была заимствована — на что уже обращалось внимание в литературе — из более развитой системы церковного управления⁸⁶.

Но самой большой загадкой для историков остаётся быстрый упадок Земских соборов во второй половине XVII в. Оригинальное объяснение этого явления предложил Чичерин. По его словам, «Земские соборы исчезли не

⁸² Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 260–262, 266–269, 297–302.

⁸³ Там же. С. 68–69.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 286.

⁸⁵ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1908. С. 472.

⁸⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 189; Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 210.

вследствие сословной розни или опасений монархов, но просто вследствие внутреннего ничтожества». При этом исследователь упомянул, что деятельность соборов пресеклась одновременно с прекращением сословного представительства во многих государствах Европы: во Франции, Пруссии, Баварии, Дании, — и сделал из этого наблюдения следующий вывод: «Общность явления указывает на общность причины и на одинакий ход жизни», имея в виду, вероятно, переход от ограниченной монархии к неограниченной⁸⁷.

Причины упадка Земских соборов, лишь пунктиром намеченные в работах дореволюционных учёных, стали основными и единственными в советской историографии: указанное явление объяснялось переходом от сословно-представительной монархии к абсолютизму⁸⁸. Черепнин в своей монографии о соборах, оставаясь в рамках общепринятой парадигмы, несколько конкретизировал эту абстрактную схему, указав на то, что наступавшая новая эпоха абсолютизма требовала «более оперативных и гибких форм» решения политических вопросов по сравнению с теми, что были присущи «громоздкой» системе, связанной с соборами⁸⁹. Однако имеющиеся в литературе объяснения уже не удовлетворяют современных исследователей: Лисейцев видит основную проблему в незавершённости формирования сословий в стране, что лишало соборы необходимой социальной опоры⁹⁰.

На мой взгляд, судьба Земских соборов в России станет понятнее, если изучать её не изолированно, а в контексте эволюции того типа представительных учреждений, к которому, как я постарался показать, они принадлежали. По наблюдениям Маронжу, в середине XVI в. наметился упадок европейских представительных институтов: за исключением Англии, они уже не играли важной роли в истории своих стран, их развитие остановилось⁹¹. Кризис затронул старейшую ассамблею Европы, кастильские кортесы. После 1538 г., когда два высших сословия, гранды и духовенство, покинули собрание, там остались только представители городов. Следствием этого стала маргинализация кортесов в политической жизни королевства⁹². В XVII в. кризис представительных институтов усилился, и они стали исчезать один за другим. В 1614 г. в последний раз собрались Генеральные штаты Франции, и затем вплоть до 1789 г. о них больше не вспоминали. После 1653 г. прекратились созывы ландтага Бранденбурга, после 1664 г. — кастильских кортесов. В 1660 г. в результате абсолютистского переворота перестал существовать датский ригсдаг. В 1669 г. состоялось последнее заседание ландтага Баварии⁹³. В большинстве случаев правители официально не упраздняли представительный орган, а просто переставали его созывать. То же самое в 1680-х гг. случилось и с Земскими соборами. Будучи монархическим институтом, они активно функционировали в периоды внутренних кризисов и военных угроз, а в спокойной обстановке царская власть гораздо реже ощущала потребность в их поддержке.

⁸⁷ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 380.

⁸⁸ Юшков С.В. К вопросу о сословно-представительной монархии... С. 44–45; Заозерский А.И. Земские соборы // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 366.

⁸⁹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 370.

⁹⁰ Лисейцев Д.В. Почему Земский собор — не парламент? С. 149–150.

⁹¹ Marongiu A. Op. cit. P. 235–236.

⁹² Graves M.A.R. Op. cit. P. 73.

⁹³ Ibid. P. 116, 121, 129, 131–132.

На ту же проблему можно посмотреть не только «сверху», но и «снизу». Как справедливо заметил Блокманс, эффективность представительных органов напрямую зависела от размеров страны: чем больше была её территория, тем дольше нужно было добираться до места заседания и тем дороже обходился транспорт. Кроме того, большие расстояния препятствовали возникновению реального чувства общности на уровне королевства⁹⁴. Блокманс приводит в качестве примеров Германскую империю, Францию и Ганзейский союз, но та же проблема существовала и в России XVII в. Исходя из этого, Лисейцев не без оснований полагает, что «не пользовавшиеся популярностью в провинциях Земские соборы... легко и безболезненно отмерли, едва лишь центральная власть перестала нуждаться в них»⁹⁵.

Я рассмотрел лишь некоторые проблемы, возникающие при сравнении Земских соборов и аналогичных собраний в других странах Европы. Однако специфика Земских соборов не была должным образом раскрыта. Заслуживает внимания вопрос о том, как стало возможно формирование этого института вне сферы влияния римского и канонического права с его принципом *quod omnes tangit* («что касается всех, должно быть всеми одобрено») и вне традиции феодального права, позволявшего королю требовать от вассалов «совета и помощи» (*consilium et auxilium*). Лишь мельком затронут вопрос о влиянии на формирование Земских соборов церковной организации. Все упомянутые сюжеты нуждаются в тщательном изучении, но это уже тема другого исследования.

---

⁹⁴ Blockmans W. Representation... P. 36–37.

⁹⁵ Лисейцев Д. В. Почему Земский собор – не парламент? С. 150.